
«ЯДЕРНАЯ» СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЯТОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

О.А. Смирнова

Факультет международных отношений
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
ул. Ульянова, 2, Нижний Новгород, Россия, 603005

Автор анализирует партнерство и сотрудничество между Французской Республикой и Великобританией в сфере ядерных исследований, создание и развитие французской ядерной доктрины. Автор исследует, как наличие ядерного оружия Франции влияет на политику Франции в области европейской безопасности.

Проблема ядерной составляющей безопасности Западной Европы приобрела в начале XXI века новые измерения в дополнение к давно обсуждаемому вопросу, будет ли у объединенной Европы собственное «ядерное сдерживающее средство».

Обладание таким средством предполагает выполнение комплекса условий. Помимо собственно оружия, средств его доставки и обеспечения, должны существовать: центры принятия решения о применении ядерного оружия; доктрины и концепции, определяющие потенциального противника — объект ядерного сдерживания, а также условия, цели и порядок возможного боевого применения ядерного оружия.

В эпоху холодной войны основное бремя сдерживания несли США. С ними через механизмы НАТО полностью солидаризировалась в стратегии сдерживания Великобритания. Франция, вышедшая из военной организации НАТО в 1966 г., стояла с ее ядерным потенциалом особняком. Но в целом все перечисленные выше условия действенности ядерного сдерживания, бесспорно, выполнялись.

Интегрирующаяся Европа не имела в прошлом и не имеет сейчас в собственном распоряжении ни ядерных вооружений, ни всего остального, без чего ядерное сдерживание не может быть эффективным и просто не может состояться. Пока на официальном уровне Европа ни разу не заявила, что не нуждается в собственном сдерживающем ядерном средстве [1. С. 53].

В то же время западноевропейская интеграция после Маастрихта и Амстердама все ближе подходит к рубежу, когда Европейский Союз неизбежно должен будет столкнуться с проблемой дальнейшей судьбы и предназначения ядерных вооружений, которыми обладают Великобритания и Франция.

В условиях биполярного мира и холодной войны вопрос о целесообразности обзаведения собственным ядерным сдерживающим средством возникал в Западной Европе за последние сорок лет неоднократно. При этом дискуссия неизбежно обращалась к проблеме необходимости и возможности сотрудничества здесь Англии и Франции: иных источников получения ядерного оружия и создания во-

енно-технических инфраструктур для его потенциального использования у интегрировавшейся Европы просто не было.

Под «западноевропейским ядерным сдерживающим средством», скорее всего, понимается гипотетический комплекс ядерных вооружений, на основе которого от имени ЕС (или другой формы политического объединения государств Западной Европы) уполномоченными на то органами и институтами ЕС и в интересах и целях общей политики объединенной Европы в вопросах ее безопасности, обороны и внешней политики могло бы осуществляться «ядерное сдерживание» [2. С. 123], как минимум, по перечисленным параметрам отличное от аналогичного сдерживания, осуществляемого США и НАТО. Появление у объединенной Европы такого потенциала в любом случае потребовало бы тесного политического и практического сотрудничества Великобритании и Франции как единственных в Западной Европе ядерных держав.

В настоящее время Франция занимает в мировом сообществе особое место, являясь одним из государств, обладающих ядерным оружием и имеющих все основания участвовать в принятии стратегически важных решений на самом высоком уровне. Однако процесс реализации и становления собственной независимой ядерной стратегии (стратегические ядерные силы — СЯС) и обладания системой сил ядерного сдерживания шел для Франции очень непросто, что и сегодня во многом определяет политику современной Франции в условиях продолжения борьбы за расширение и укрепление своего влияния в мире, в целом, и в Европе, в частности.

Ядерные исследования, прежде всего с целью создания атомного оружия, велись Великобританией, Францией и Германией еще перед Второй мировой войной. Квебекское соглашение между США и Великобританией от августа 1943 г. наложило запрет на передачу какой-либо информации о ядерной энергии третьим странам, в том числе и Франции. В июле 1946 г. конгресс США принял акт Макмагона, установивший жесткие ограничения на передачу информации об атомной энергии другим странам, в число которых на этот раз попала Великобритания. Таким образом, Великобритания и Франция после Второй мировой войны оказались примерно в равном положении и были вынуждены самостоятельно вести разработку ядерного оружия. Благодаря наработкам в исследованиях ядерной реакции и более устойчивому финансовому положению страны Великобритания опередила Францию, испытав свою атомную бомбу в 1952 г.

Еще до прихода во Франции к власти Шарля де Голля задача создания атомного оружия была включена в число первоочередных, причем первоначально возможная британская помощь рассматривалась как естественный и наиболее простой способ ускорения процесса исследований.

В 1958 г. конгресс США внес изменения в акт Макмагона, разрешив передавать информацию и материалы по атомному оружию странам, которые уже достигли значительного прогресса. Это положение открывало пути для продолжения англо-американского сотрудничества и, как следствие, блокировало пространство для налаживания англо-французского взаимодействия в этой области. Несмотря

на финансовые и технологические трудности, Франция провела успешные испытания своей первой атомной бомбы в Сахаре в 1960 г.

Появление на рубеже 50—60-х годов XX в. ракетно-ядерного оружия в корне меняло военно-стратегическую ситуацию в мире и Европе. Идея обретения Европой собственного «европейского сдерживающего средства» [4. С. 75] была предложена на Ассамблее Западноевропейского союза (ЗЕС) в 1959 г. видным деятелем лейбористской партии Великобритании Ф. Малли. При этом французские и британские ядерные силы, выполняющие роль таких средств, оставались бы под национальным контролем соответствующих государств. По ряду причин это предложение не было реализовано и, прежде всего, из-за разных позиций этих двух стран.

Основа французского ядерного потенциала была заложена в ходе реализации четырех военных программ в соответствии с долгосрочным планом «Каэланш-1», рассчитанным на 20—25 лет. Значительные средства были выделены на опытно-конструкторские работы, направленные на создание морских ядерно-ракетных сил.

Одновременно велось научное обоснование французской доктрины использования ядерного оружия: главная цель Франции — создание независимой и единой Европы под руководством Франции — может быть решена лишь с выходом европейских стран из-под опеки Вашингтона под руководством Франции. Следовательно, ядерное оружие должно было выступать как средство давления при достижении национальных внешнеполитических целей. Разработкой «ядерной доктрины» Франции занимались П. Галлуа, Л. Пуарье, А. Сангинети. В конечном итоге их концепция получила название «сдерживание слабым сильного», и суть ее заключалась в идее, что даже более слабое в военной области государство, но обладающее ядерным потенциалом, может путем угрозы его применения сдерживать сильного агрессора от развязывания конфликта.

Таким образом, французское военно-политическое руководство определило для своих стратегических ядерных сил главную цель — сдерживание войны, а в качестве возможных форм их применения — нанесения всеми имеющимися носителями массированного ядерного удара (концепция «все или ничего») по объектам промышленного потенциала противника (концепция «удара по городам») при любом нападении агрессора. В военном строительстве приоритет отдавался стратегическим вооружениям.

С конца 1950-х гг. французское руководство стало проводить политику «ядерного национализма», что в конечном итоге привело к выходу Франции из военной структуры НАТО.

Франция, рассматривавшая свои ядерные силы как национальное достояние, предполагала создание «политического, экономического и военно-политического объединения» государств Западной Европы на основе полной самостоятельности будущего союза по отношению к США. Между тем Великобритания развивала свои «независимые ядерные силы» в общем контексте доктрины НАТО.

Для Франции создание собственного ядерного потенциала было, как представляется, лишь частью проводимой голлистами политики возрождения и ук-

репления «величия Франции» [6. С. 97], акцентировавшей автономность страны от США и НАТО.

Таким образом, политический курс, заданный стране де Голлем, был альтернативой доминированию двух сверхдержав, силовому сдерживанию коммунизма и поляризации мира. Вместе с тем ядерная стратегия «обороны по всем азимутам» — неопределение заранее противника — была сугубо национальной.

В период президентства В. Жискара д'Эстена основные принципы голлистской ядерной стратегии сохранились. Однако наметились и первые шаги в эволюции внешнеполитического курса Франции, направленные на сближение с США и НАТО. Так, в 1974 г. Франция признала взаимосвязь ядерных сил Великобритании и Франции в общей системе сил сдерживания Североатлантического блока. В 1976 г. вместо концепции «все или ничего» официально принимается концепция «реалистического сдерживания на всех уровнях». Это дало определенный толчок развитию тактически ядерных средств.

Существенные изменения военно-политической ситуации в Европе и мире и эволюция «средств сдерживания» заставляли переосмысливать надежность ядерных гарантий США западноевропейским государствам — членам НАТО — и периодически возвращаться к идее обретения Европой собственного объединенного «ядерного сдерживающего потенциала».

Объективно возникали новые стимулы к налаживанию англо-французского сотрудничества, поскольку ядерной дееспособности этих двух западноевропейских государств угрожали бы в перспективе как слишком радикальные сокращения ядерных арсеналов двух сверхдержав, так и чрезмерно энергичное развитие их стратегических потенциалов. Став к началу 1980-х годов одновременно и признанными участниками, и (по масштабам накопленных вооружений) аутсайдерами «ядерного клуба», Франция в совмещении усилий с Великобританией стремились законсервировать этот клуб в том состоянии, которое позволяло бы им как можно дольше сохранять ранее достигнутый статус дееспособных ядерных держав.

При Р. Никсоне Франция и США стали активно сотрудничать в сфере обмена технологиями ядерного производства и информацией. Однако это не затрагивало основную голлистскую установку — неучастие в ОВК НАТО.

Изменяются задачи стратегических ядерных сил. Теперь руководство Франции считает, что они не могут быть применены в качестве ответа на любую форму агрессии, а только в случае атомного нападения. Одновременно ведутся разработки новых образцов стратегических вооружений.

Со второй половины 1980-х годов тема военно-политического сотрудничества «Франция — Англия» становится постоянной в прессе и в кругах, близких к формированию внешней и оборонной политики каждого из двух государств. Превалировали настроения и призывы в пользу дальнейшего взаимодействия как в ядерной, так и в военной областях. Идею англо-французского ядерного сотрудничества поддерживали и в ФРГ.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов начинается новая волна поисков возможностей и путей двустороннего стратегического сотрудничества, возрастает

активность в сфере совместных разработок ядерных вооружений. Этот прилив заинтересованности, как представляется, был продиктован вначале ожиданием, а затем и фактом стратегических последствий распада СССР.

Конец конфронтации двух систем, обусловленный этим распадом, означал исчезновение на рубежах Западной Европы такого потенциального противника, которого нужно было «сдерживать» всей огромной американской мощью. Теперь уже США могли не стать безоговорочно на ядерную защиту Западной Европы, особенно если источником угрозы и/или агрессором будет не постсоветская Россия (которая могла теоретически стать участницей западного клуба), но иные силы.

С распадом ялтинско-потсдамской системы международных отношений Западная Европа могла со временем оказаться перед необходимостью «обороны по всем азимутам», и здесь рассчитывать на автоматизм американского «ядерного зонтика» было уже рискованно [1. С. 60].

В 1990-е годы мотив необходимости налаживания англо-французского сотрудничества в сфере ядерных разработок зазвучал с новой силой. Англии предстояло пережить новую волну кризиса «особых отношений» и атлантического партнерства с США. Франции пришлось привязывать свою стратегическую доктрину к новым реалиям, в которых уже не было политического пространства для проявления традиционной антиамериканской фронды.

Англо-французские отношения в ядерной области получили некоторый импульс в рамках созданной в ноябре 1992 г. Совместной комиссии по ядерной доктрине и политике (A Joint Commission on Nuclear Policy and Doctrine). Работа комиссии была засекречена, но ее публично провозглашенные задачи включали разработку общих концепций в сферах ядерного сдерживания, контроля за ядерным оружием и режимом нераспространения.

Выступая в национальном собрании Франции 10 января 1992 г., президент Ф. Миттеран высказал предложение о разработке в рамках ЕС целостной западноевропейской доктрины сдерживания. Затем в 1992 г. Франция присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). А в Белой книге по вопросам обороны Франции от 1994 г. было отмечено, что «вопрос о европейской ядерной доктрине обречен стать одним из главных вопросов в создании общей европейской обороны» [6. С. 77]. В январе 1995 г. тогдашний министр иностранных дел Франции А. Жюппе в связи с ядерными испытаниями, проведенными Францией вопреки многочисленным протестам, утверждал, что это было сделано «в интересах Европы в целом».

Вызвав жесткую критику западных европейцев в адрес Франции, испытания показали, что ее «европейские партнеры менее заинтересованы воспользоваться стесняющими стратегические взаимоотношения французскими ядерными достижениями» и не торопятся поддержать новую французскую ядерную доктрину «согласованного сдерживания». Ее суть состояла в приобщении желающих западноевропейских стран к ядерным секретам Великобритании и Франции с целью выработки доктрины использования ядерного оружия Европейским Союзом и создания модели сдерживания для Западной Европы при со-

хранении «ядерного средства сдерживания» под национальной юрисдикцией Великобритании и Франции и при финансовых вливаниях в национальные ядерные программы этих двух стран [5. С. 78].

В числе особенно недовольных французскими предложениями выделялись нейтральные страны — члены ЕС, такие как Швеция и Ирландия, которые не хотели принимать финансовое участие в осуществлении ядерного сдерживания. И даже главный союзник Франции в европейских делах — Германия — дала понять, что ядерные гарантии США остаются гораздо важнее, чем все, что может предложить в этой области Франция. В такой ситуации последней ничего не оставалось, как вести диалог в этом направлении лишь с одним членом ЕС — Великобританией, которая осенью 1995 г. отказалась осудить Париж за возобновление ядерных испытаний на тихоокеанском атолле Муруроа, но не переставала призывать Францию участвовать в консультациях по всему кругу проблем в ядерной области в рамках НАТО.

На этом фоне вновь ожила дискуссия о возможности создания в 2001—2010 гг. под эгидой ЗЕС объединенных англо-французских ядерных сил морского базирования. Однако, как отмечалось в сборнике официальных документов британской внешней политики, между Францией и Британией за все годы «не было заключено никакого особого соглашения в сфере ядерного сотрудничества»; нет и никакого практического сотрудничества по вопросам совместного использования ядерного оборудования и обмена информацией об испытаниях ядерного оружия. Это объясняется все теми же англо-американскими «особыми отношениями». Их «особость» применительно к ядерной сфере заключается в том, что США пока получают все возможности эффективно блокировать появление в западном мире соперничающего с ними центра ядерной мощи [1. С. 57].

С середины 1990-х годов США, видимо, активизировали усилия по вовлечению Франции в систему соглашений, которые давали бы им в перспективе контроль над дееспособностью Французской Республики в ядерной области.

Так, 4 июля 1996 г. между двумя странами было подписано секретное соглашение о сотрудничестве в сфере поддержания высокой степени готовности их ядерных арсеналов после вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Самым значительным пунктом франко-американского соглашения является согласие США поделиться компьютерными методами моделирования ядерных взрывов, что означает возможность продления технических сроков годности существующих ядерных боеприпасов без необходимости проведения их выборочных испытаний [1. С. 57].

Однако таким образом Франция даже в поддержании имеющегося у нее ядерного потенциала попадает в зависимость от США и рискует лишиться способности создавать новые типы такого оружия.

Полагая, что ЕС пока «далек от образования единых исполнительных структур подлинного политического союза», во Франции еще энергичнее заговорили о «согласованном сдерживании» — теперь с Германией. В 1997 г. стали достоянием гласности некоторые детали «Общей концепции безопасности

и обороны» (Common Concept for Security and Defence), принятой на встрече премьер-министра Франции Ж. Ширака и канцлера ФРГ Г. Коля в Нюрнберге 9 декабря 1996 г. В ней говорилось: «Высшая гарантия безопасности союзников обеспечивается стратегическими ядерными силами альянса, прежде всего силами Соединенных Штатов; независимые ядерные силы Соединенного Королевства и Франции, играющие собственную сдерживающую роль, вносят вклад в общее сдерживание и безопасность союзников» [4. С. 154].

Эта концепция была воспринята западноевропейскими странами как готовность французского правительства приобщить Германию к ядерным секретам, что шло вразрез с Оттавской декларацией НАТО 1974 г. и ее стратегической концепцией 1991 г. Только смена правительства в июле 1997 г. помогла официальным лицам Франции выйти из щекотливого положения и снова заговорить о ядерном измерении для Европы.

В сентябре 1997 г. и Ж. Ширак, и Л. Жоспен снова подтвердили интерес к внутриевропейскому диалогу по ядерной проблематике. Возвращение к прежним внешнеполитическим взглядам нашло отклик у сменившего консерваторов нового лейбористского правительства Великобритании во главе с Т. Блэром.

В то же время, как и следовало ожидать, революции в области ядерной доктрины и политики Великобритании не произошло; следовательно, возможности для сотрудничества с Францией в этой области определяются известным набором факторов.

На протяжении 1990-х — начала 2000-х годов, в условиях закрепления новых европейских и глобальных реалий англо-французский диалог по вопросам двустороннего сотрудничества в сфере ядерных вооружений, в том числе в интересах создания западноевропейского ядерного потенциала сдерживания, политически развивался достаточно интересно. Но в сфере двустороннего стратегического сотрудничества никакого прогресса, способного иметь реальное военно-политическое значение, так и не произошло. Оно ограничилось, по сути, лишь политическими акциями, не затрагивающими функционирование национальных стратегических комплексов.

Евросоюз политически и технически не готов к созданию и задействованию механизмов принятия решений и их технического использования, необходимых для того, чтобы западноевропейская стратегия ядерного сдерживания обрела материальное выражение и действенность. Формирование же единой политики ЕС в области безопасности, обороны и внешней политики будет приближать рубеж, когда членство государств Западной Европы в НАТО в практическом и политико-правовом планах начнет все более приходить в противоречие с наднациональными структурами объединенной Европы.

Вместе с тем в условиях современного мира практика ядерного сдерживания обретает тенденцию к расширению. Так, на пресс-конференции в марте 2002 г. министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен, говоря о ядерной доктрине Франции, подчеркнул, что «сдерживание также должно позволить нам противостоять угрозам, которые могут исходить от региональных государств, оснащенных оружием массового уничтожения» [3. С. 55—56].

Однако можно не сомневаться, что англо-французский диалог по проблеме сотрудничества в области ядерных вооружений будет продолжен. С одной стороны, этот диалог стал формой по-своему эффективного политического использования ядерного фактора; он подчеркивает особое в этом плане место Великобритании и Франции в Европе и мире. С другой — продолжаются франко-британские контакты в военной области, неизбежно выводящие участников сотрудничества на военно-ядерную проблематику.

Так, в настоящее время во Франции разрабатывается концепция нанесения «высокоточных ядерных ударов» авиационными носителями. В случае развязывания войны французские СЯС предполагается использовать совместно с ядерными силами США и Великобритании. Правительство Французской Республики активно выступает за создание европейской системы ядерного сдерживания, основу которой должны составить французские и английские ядерные силы.

В любом случае не вызывает сомнений, что дальнейшая политическая и военно-политическая интеграция Западной Европы не сможет игнорировать проблемы, которые являются производными от наличия у Великобритании и Франции собственных ядерных потенциалов.

Итак, в соответствии с изложенным выше материалом можно констатировать тот факт, что первая попытка обозначить основные черты такого понятия, как французская геополитическая идентичность, была связана с выходом страны из военной структуры Североатлантического альянса в 1966 году и «концепцией великой державы и ядра объединенной Европы» генерала де Голля.

Современный внешнеполитический курс Франции в рамках геополитической идентификации страны на международной арене вполне укладывается в концептуальные положения военно-политической доктрины де Голля с особым акцентом на увязке общеевропейской безопасности с национальной безопасностью Франции (и по большей степени — с ядерными гарантиями безопасности страны). Любая инициатива, направленная на активизацию европейского строительства, восстановление былого величия и статуса — и, соответственно, экономических и внешнеполитических амбиций великой державы, как правило, легко одобряются, кроме того, их реализация нередко форсируется. Поэтому можно предположить, что дальнейшее развитие политической системы Пятой Республики будет в большей степени связано с развитием общеевропейских политических тенденций и с углублением процесса европейской интеграции, одной из составных частей которой будет являться Франция со своей демократической структурой.

Что касается собственно «ядерной стратегии» государства, то очевидно, что вот уже минимум пять десятилетий Французская Республика следует в этом вопросе «бонапартистской политике лавирования» и маневрирования. В конечном итоге этот курс привел к ее возвращению в командную структуру НАТО. Это, в свою очередь, значит, что при всей своей демонстративной центробежной направленности в ближайшем будущем Франция едва ли выйдет из орбиты политического курса Североатлантического альянса, что, естественно, не может не отразиться на продолжающемся процессе ее геополитической идентификации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреева Т.Н. Безопасность Западной Европы и независимые ядерные силы Великобритании и Франции // Мировая экономика и международные отношения. — 2004. — № 1.
- [2] Воронцова С.Б. США и Франция: соперничество и партнерство. — М.: Международные отношения, 1983.
- [3] Глухарев Л.И. Европейские сообщества: в поисках новой стратегии. — М.: Международные отношения, 1990.
- [4] Давыдов Ю.П. США — Западная Европа в меняющемся мире. — М.: Наука, 1991.
- [5] Потемкина О.Ю. Становление обновленной Европы // Современная Европа. — 2003. — № 3.
- [6] Червяков А.И. Военно-политический курс Франции в 1995—2010 гг. // Мировая экономика и международные отношения. — 1995. — № 10.

THE NUCLEAR PART OF THE GEOPOLITICAL IDENTITY OF THE FIFTH FRENCH REPUBLIC

O.A. Smirnova

The Faculty of International Relations
State University named after N.I. Lobachevsky
Ulianova str., 2, Nizhniy Novgorod, Russia, 603005

The author analyzes partnership and cooperation between the French Republic and the Great Britain in the sphere of the nuclear research, creation and development of the French nuclear doctrine. She investigates how possessing of nuclear weaponry influences France's policy in the field of European security.